

Научно-теоретическая модель Общей части нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: в поисках компромисса

Д. Н. СЕРГЕЕВ – старший преподаватель кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета, кандидат юридических наук

В статье дается оценка научно-теоретической модели Общей части нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, критикуется предложение разработчиков проекта о придании приоритетного значения цели исправления осужденных, обосновывается необходимость использования общего подхода к исправлению и предупреждению преступлений через призму понятия «исправительно-предупредительное воздействие», аргументируется важность расширения предмета правового регулирования уголовно-исполнительного законодательства России за счет включения в него всех существующих мер уголовно-правового характера, дается положительная оценка предложений о придании правовым отношениям по исполнению наказаний процессуального характера, о необходимости регулирования статуса всех основных участников данного процесса, оценивается предлагаемая система учреждений и органов, исполняющих наказания.

Ключевые слова: научно-теоретическая модель Общей части УИК РФ; исполнение наказаний; цели уголовно-исполнительного законодательства; исправительно-предупредительное воздействие; участники уголовно-исполнительного процесса; предмет правового регулирования уголовно-исполнительного права.

The scientific and theoretical model of the General part of the New Penal Code of the Russian Federation: in search of a compromise

D. N. SERGEEV – Lecturer of the Department of Criminal Law of the Ural State Law University, PhD. in Law

The author gives an evaluation of the scientific and theoretical model of the General part of the new Penal Code of the Russian Federation, criticizes the proposition of the project developers to give a priority to the correction of convicts, substantiates the necessity to apply a common approach to correcting and preventing crime through the prism of the concept «preventive-corrective effect», underlines the significance of expanding the legal regulation subject of Russian criminal executive legislation by including all measures existing under the criminal law, the paper gives a positive evaluation of the authors' proposals on giving legal relations on the execution of punishments the procedural nature, on the need to regulate the status of all the main participants in this process, assesses the proposed system of institutions and bodies executing punishments.

Key words: the scientific and theoretical model of the General part of the Penal Code; execution of sentences; purposes of the penal law; corrective-preventive effect; participants of the criminal executive process; the subject matter of legal regulation of the penal law.

По ряду внутренних и внешних причин российская наука отдалилась от законодательства, что резко снизило качество нормативных правовых актов. Несмотря на большое количество публикаций с обоснованной критикой действующего законодательства, цельных концептуальных про-

ектов, которые подготовили бы ученые, не дожидаясь приглашения от законодательной власти, практически нет. Теоретическая юриспруденция, по словам Н. Н. Тарасова, сейчас стоит перед выбором: объяснять текущее «настоящее» и эффективно прогнозировать и проектировать принципиальное

«будущее» права или «планово отступить» на описательно-комментаторские позиции¹. Отрадно, что появился такой проект в российском уголовно-исполнительном праве до проекта изменений уголовного законодательства. По словам Н. В. Щедрина, ранний старт специалистов по разработке нового кодекса преодолевает извечную недооценку уголовно-исполнительного цикла. Эффективность системы наказаний, задаваемой УК РФ, зависит от уголовно-исполнительной подсистемы. Пример с арестом, предусмотренным уголовным законом, но так и не введенным в связи с невозможностью исполнения данного наказания, приводит ученого к образной мысли, что «уголовно-правовую “лошадь” следует подбирать из параметров проектируемой уголовно-исполнительной “телеги”»².

С января 2016 г. на базе Центра проблем уголовно-исполнительного права юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова коллективом ученых ведется подготовка научно-теоретической модели Общей части нового УИК РФ³. К середине 2016 г. проект был разработан и опубликован для обсуждения. Основные новеллы проекта затрагивают цели уголовно-исполнительного законодательства, предмет правового регулирования, вопросы правового положения участников уголовно-исполнительных правоотношений. Рассмотрим данные новеллы подробнее.

1. Цели уголовно-исполнительного законодательства.

Цель законодательства задает направление для развития и применения всей системы. Разработчики научно-теоретической модели Общей части УИК РФ⁴ (далее – модель УИК РФ или проект) избрали обеспечение достижения исправления основной целью уголовно-исполнительного законодательства (ч. 2 ст. 2). При этом воздержание от совершения новых преступлений не по причине страха перед наказанием, а вследствие произошедших изменений в сознании человека представляет собой наиболее труднодостижимый и одновременно социально значимый и гуманный результат⁵. Цели всегда находятся в единстве и взаимосвязи (в частности, превенция обеспечивает исправление и наоборот). Научный руководитель проекта В. И. Селиверстов в качестве одного из обоснований необходимости выделения приоритетной цели указывает на то, что исправление осужденных представляет собой наиболее гарантированный способ достижения цели

предупреждения совершения новых преступлений⁶. Однако, по существу, этим же можно обосновать и главенство цели превенции. Более того, содержание ряда наказаний в значительной степени нацелено на предотвращение совершения новых преступлений, а не на исправление. К числу таковых относятся смертная казнь, пожизненное лишение свободы, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Разделить цели исправления и превенции практически невозможно, поэтому нет объективной необходимости определения приоритетной цели. Немаловажно и то, что придание исправлению особого статуса противоречит действующему УК РФ, провозглашающему равными все три цели наказания.

Вместе с тем авторами модели УИК РФ предложен термин «исправительно-предупредительное воздействие», которым можно легко характеризовать всю систему исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового характера. Но выделение приоритетной цели привело к тому, что данный термин получил внутренние противоречия. Например, средства достижения целей наказания разделены на исправительные и превентивные, тогда как режим одновременно является средством исправительного воздействия (ч. 1 ст. 22) и обеспечивает превенцию (ч. 2 ст. 23).

Другое противоречие представляется более существенным. В соответствии со ст. 25 проекта одним из средств исправления является социальная работа, под которой понимается профессиональная деятельность по оказанию социальной помощи, поддержки и защиты осужденных в целях достижения исправления в период исполнения (отбывания) наказания, а также адаптации после освобождения. Эта новелла существенно повышает значение социальной помощи, встраивая ее в саму систему исполнения наказания, а не ограничиваясь по примеру действующего УИК РФ (ст. 181–182) во многом декларативными законоположениями. Модель УИК РФ выиграла бы, если социальная работа была бы также подчинена и цели предупреждения совершения новых преступлений. Около 60 % опрошенных осужденных⁷ отметили, что социальная помощь должна предоставляться им в качестве компенсации за лишения, которые претерпевались при отбывании уголовного наказания. Казахстанские авторы на основании аналогичных данных отмечают, что социальная помощь для освобожденного

из мест лишения свободы не должна быть исключительно способом удовлетворения бытовых нужд⁸. Она должна быть подчинена цели превенции, быть в русле всего процесса ресоциализации.

Приведенные данные свидетельствуют об отсутствии прямой связи между оказанием или неокказанием социальной помощи и поведением осужденных, в том числе освобожденных от отбывания наказания. Более того, тот факт, что осужденные рассматривают социальную помощь как «компенсацию», может обусловить неправильную расстановку акцентов: общество должно возместить лишения, которые они понесли в ходе отбывания наказания и претерпевают на постпенитенциарной стадии. Наличие данной установки может привести к выработке решимости у отдельных категорий освобожденных получить эту «компенсацию» не путем обращения в специализированные органы и учреждения, реализующие программы социальной поддержки, а посредством совершения новых преступлений. Следовательно, неправильно организованная и не нацеленная на предотвращение совершения новых преступлений социальная поддержка осужденных может негативным образом сказаться на эффективности наказания. Тем не менее значимость социальной работы с осужденными не должна подвергаться сомнению, а система такой поддержки должна быть не только средством исправления, но и частью всего механизма исправительно-предупредительного воздействия.

Социальная работа должна осуществляться с учетом ее возможного влияния на правопослушное поведение. Для этого меры социальной поддержки (меры социальной адаптации) можно разделить на обязательные и дополнительные. К обязательным предлагаем отнести обеспечение медицинской и психологической помощью (в том числе лечение от разного рода зависимостей), содействие в трудоустройстве, восстановление документов, к дополнительным – получение пособий, дополнительного лечения, предоставления жилья и т. д. Полагаем, что меры первой группы должны оказываться всем бывшим осужденным одновременно с осуществлением контроля (естественно, при условии реальной нуждаемости в их получении). Меры второй группы должны применяться при условии правопослушного поведения и прекращаться при совершении лицом противоправных деяний. Оформлять дополнительные меры социаль-

ной поддержки целесообразно с помощью заключаемого с осужденным соглашения, в котором должны отражаться применяемые меры социальной поддержки и последствия нарушения условий их предоставления. Соглашение как документ, подписанный осужденным, будет восприниматься им более правильно, чем абстрактные правила оказания социальной поддержки, принятые, например, региональным министерством. Данная форма оказания социальной поддержки будет способствовать адаптации осужденного и непосредственно зависеть от его поведения. Только в этом случае рассматриваемая помощь может стать средством исправительно-предупредительного воздействия.

Концентрация внимания на цели исправления привела к тому, что превентивные меры описаны в модели Общей части УИК РФ фрагментарно и фактически ограничены мерами специально-предупредительного воздействия (ст. 33). Что понимается под данными мерами? С одной стороны, к ним относятся возлагаемые на осужденных юридические обязанности, ограничения или запреты, а также отдельные полномочия администрации учреждений и органов, в том числе по применению мер безопасности и оружия (ч. 1 ст. 33). Вместе с тем ч. 2 ст. 33 модели УИК РФ предусматривает, что специально-предупредительные меры не должны использоваться в качестве взысканий либо для ужесточения условий отбывания наказания и иных мер уголовно-правового характера. Но куда тогда встроить меры ответственности за нарушение осужденными уголовно-исполнительного законодательства? Возьмем, например, перевод осужденного в одиночную камеру вследствие нарушения режима отбывания наказания. Какую цель реализует такой перевод? С одной стороны, такое взыскание призвано обеспечить соблюдение режима (который, согласно ст. 23 проекта, является средством исправительного воздействия). Но разве можно отрицать превентивное значение такой меры? Разделение исправления и предотвращения совершения новых преступлений невозможно и в этом примере. Именно поэтому термин «исправительно-предупредительное воздействие» является важным достоинством модели Общей части УИК РФ и должен использоваться для объединения всех мер, применяемых к осужденным в процессе отбывания или исполнения уголовного наказания, и иных мер уголовно-правового характера.

Актуальным является закрепление в проекте условия, при выполнении которого достижение целей уголовно-исполнительного законодательства будет эффективно, а именно, соблюдение прав человека при исполнении наказаний (ч. 3 ст. 2). В. И. Селиверстов отмечает, что обеспечение соблюдения прав человека является, по сути, самостоятельной целью уголовно-исполнительного законодательства, значимой не только для осужденных, но и для других субъектов уголовно-исполнительных правоотношений (потерпевших, родственников и т. д.)⁹. Вопросы соблюдения прав осужденных всегда находятся в центре внимания общества, в этой связи обеспечение соблюдения прав человека при исполнении наказания должно объявляться одной из целей законодательства юридически.

Это предложение вполне соотносится с другой новеллой проекта – уходом от традиционного для УИК РФ и ранее действовавшего ИТК РСФСР дословного заимствования целей из уголовного закона. В проекте цели сформулированы как обеспечение достижения целей исправления и превенции. Вместе с тем авторы модели обошли стороной вопрос обеспечения достижения цели восстановления социальной справедливости. А. В. Сумачев пишет, что законодатель поставил эту цель на первое место в сравнении с иными целями, что является свидетельством логики законодателя, отражением концепции защиты и обеспечения интересов потерпевших¹⁰. В российском уголовном праве наблюдается тенденция усиления защиты интересов потерпевших от преступления. Это отразилось в изменении подхода к основаниям условно-досрочного освобождения, а также проявилось в институте возмещения причиненного ущерба (ст. 104.3 УК РФ) при конфискации имущества. Регулирование исполнения такой меры могло бы стать одной из форм реализации цели восстановления социальной справедливости.

Авторы проекта, несмотря на неоднозначность предложения о выделении приоритетной цели, ушли от устаревшей модели целеполагания в уголовно-исполнительном праве, сконцентрировав усилия не на декларировании, а на придании целям реального и практического наполнения.

2. Предмет правового регулирования нового УИК РФ.

Правовая компетенция нового УИК РФ – важный и фундаментальный для отрасли вопрос. Разработчики проекта следуют

идее расширения предмета правового регулирования уголовно-исполнительного законодательства, заложенной еще в Концепции основ исправительно-трудового законодательства Союза ССР. Однако в новой модели эта идея не реализована до конца.

В соответствии с ч. 2 ст. 3 проекта уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации устанавливает общие положения правового регулирования исполнения и отбывания осужденными уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера. Из этого следует, что кодекс должен урегулировать все вопросы исполнения всех уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера. Что авторы проекта понимают под «иными мерами уголовно-правового характера»? В первую очередь (ст. 51 проекта) условное осуждение, условно-досрочное освобождение от отбывания наказания всеми категориями осужденных, отсрочку отбывания наказания (ст. 81, 82, 82.1 УК РФ), а также принудительные меры воспитательного воздействия (проект называет их мерами воспитательного характера). Нельзя не отметить, что разработчики оговорили то обстоятельство, что отсутствие соответствующего проекта Общей части УК РФ осложнило работу по подготовке проекта Общей части УИК РФ¹¹. По этой причине они вынуждены были принять за основу виды наказаний и иных мер уголовно-правового характера, предусмотренные действующим уголовным законодательством¹². Но именно в этом смысле проект не соответствует действующему УК РФ, который к иным мерам уголовно-правового характера относит принудительные меры медицинского характера, принудительные меры воспитательного воздействия, конфискацию и судебный штраф. Таким образом, понятие «иные меры уголовно-правового характера» по-разному понимается в УК РФ и проекте.

Традиционно условное осуждение, отсрочки отбывания наказания рассматриваются в теории как способы исполнения уголовных наказаний, а условно-досрочное освобождение как вид освобождения от отбывания наказания, однако реально данные меры давно приобрели самостоятельное значение. Идея авторов проекта обособить указанные меры и урегулировать их полно, а не фрагментарно, как это сделано в действующем законодательстве, понятна и своевременна. Однако при этом необходимо исходить из того, что на сегодняшний день называть такие меры «иными мерами уго-

ловно-правового характера» не совсем верно с позиций соответствия УК РФ.

Для исключения приведенного противоречия можно было бы заменить термин «иные меры уголовно-правового характера» на более широкий, который позволит объединить в себе не только соответствующие меры, предусмотренные УК РФ, но и все другие меры, фактически сложившиеся в качестве самостоятельных мер уголовной ответственности (условное осуждение, условно-досрочное освобождение, отсрочки и др.). Сами иные меры уголовно-правового характера понимаются в науке неоднозначно. А. И. Чучаев предлагает использовать термин «меры уголовно-правового воздействия»¹³, включая при этом в его объем судимость. Он отмечает, что, несмотря на «зависимое» положение и недостаточную четкость правового определения сущности и содержания, судимость можно рассматривать как одну из мер уголовно-правового воздействия¹⁴. Полагаем, что судимость целесообразно включить в проект Общей части УИК РФ как одну из иных мер уголовно-правового характера и урегулировать ее правовой режим. Особенно необходимо уделить внимание кодификации более сотни «общеправовых последствий» судимости, разбросанных по самым разным законам и нормативным актам. Уголовно-исполнительный кодекс должен стать единым актом, регулирующим данную меру.

К судимости примыкает административный надзор, также не включенный авторами модели Общей части УИК РФ в объект правового регулирования отрасли. Т. В. Понятовская пишет, что правовая природа административного надзора по действующему уголовному законодательству является противоречивой. Административный надзор имеет уголовно-правовую природу, так как условиями его установления являются: 1) освобождение из мест лишения свободы; 2) наличие судимости за определенные преступления. Наличие формальных уголовно-правовых оснований установления, а также задача специального предупреждения обуславливают сходство его природы с природой конфискации имущества. В этом контексте сосуществование двух мер безопасности в системе разд. VI УК РФ выглядит вполне логичным¹⁵.

Разработчики проекта также не включили в предмет правового регулирования все иные меры уголовно-правового характера (принудительные меры медицинского характера, конфискацию и судебный штраф).

Осторожность авторов и так во многом инновационного проекта вполне объяснима, но необходимость завершения формирования предмета правового регулирования отрасли уголовно-исполнительного права представляется своевременной и соответствующей идеологии теоретического моделирования уголовно-исполнительного законодательства.

В. И. Горбцов отмечал, что «более логичным представляется отнесение к предмету будущего уголовно-исполнительного законодательства общественных отношений, которые складываются при исполнении всех видов уголовно-правового принуждения: наказания, принудительных мер медицинского характера, принудительных мер воспитательного характера, условного осуждения и отсрочки исполнения приговора, мер постпенитенциарного воздействия»¹⁶. С таким мнением трудно не согласиться, поскольку вывод исследователя основан на адекватной оценке системы взаимодействия всех трех отраслей криминального цикла, предмет правового регулирования которых в целом можно охарактеризовать как регулирование уголовной ответственности. Такая близость должна при этом исключать дублирование правового регулирования и пересечения предметов отдельных отраслей. Немаловажно для уголовно-исполнительного права и то, что расширение правовой компетенции УИК РФ, завершение кодификации всего массива законодательства по исполнению уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера повысит значение отрасли.

3. Основные участники уголовно-исполнительного процесса.

Большим достижением рассматриваемого проекта является признание процессуального характера уголовно-исполнительных правоотношений. Это нашло отражение в названии разд. II «Основные участники уголовно-исполнительного процесса» модели кодекса. Введение такой нормы поставит точку в споре об определении характера правоотношений, возникающих в процессе исполнения и отбывания уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера. Более продуманно урегулирован статус осужденного. Новеллой проекта являются требования к персоналу учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания (ст. 53). Такие правовые положения также подчеркивают процессуальную природу отрасли, ведь процессуальная деятельность

невозможна без целостно и подробно урегулированного статуса и полномочий участников. Однако норма ст. 53 проекта выглядит неполной. Например, часть третья «Персонал пенитенциарных учреждений» Европейских пенитенциарных правил 2005 г. состоит из 26 статей. Полное и исчерпывающее урегулирование полномочий персонала учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания и иные меры уголовно-правового характера, также будет служить обеспечению прав человека на стадии исполнения приговора.

4. Система наказаний и система учреждений и органов.

Закрепление системы наказаний относится к предмету правового регулирования уголовного права. Определение системы учреждений и органов должно относиться к компетенции уголовно-исполнительного законодательства. В действующем УК РФ вопрос системы учреждений и органов напрямую не регулируется, за исключением перечня исправительных учреждений (ст. 57–58). Приоритет УИК РФ в закреплении перечня учреждений и органов, исполняющих наказания и иные меры уголовно-правового характера, должен быть подчеркнут в новом кодексе.

Поскольку проект УИК РФ родился раньше проекта УК РФ, разработчики модели стояли перед сложной задачей определения системы учреждений и органов, лишь прогнозируя развитие системы наказаний. В частности, из проекта следует сохранение ареста только для военнослужащих (ч. 6 ст. 51), исключение наказания в виде принудительных работ. Авторами введено новое учреждение для исполнения обязательных и исправительных работ, а также ограничения свободы по месту жительства осужденного – уголовно-исполнительные центры пробации (ч. 4 ст. 51). Пересмотрена система исправительных учреждений: воспитательные колонии заменены воспитательными центрами, лечебно-исправительные учреждения – лечебно-профилактическими. Система колоний представлена в виде исправительных учреждений минимальной, средней и строгой изоляции. Введена исправительная тюрьма максимальной изоляции. Последний вид учреждения не вписывается в общую систему, так как это единственное учреждение тюремного типа. Нужно ли в этом случае подчеркивать статус максимальной изоляции? Возможно, целесообразно слово «тюрьма» заменить на «учреждение»? Столь существенный пере-

смотр системы учреждений и органов нуждается в научно-теоретическом и криминологическом обосновании.

5. Законодательная техника.

Вопросам законодательной техники при конструировании норм уголовно-исполнительного права не уделяется должного внимания. Научно-теоретическая модель в этом смысле делает существенный шаг вперед, предлагая закрепить перечень основных понятий уголовно-исполнительного законодательства. К слову, в первоначально опубликованном в 2016 г. проекте кодекса статьи, посвященной раскрытию основных понятий, не было. Она появилась лишь в окончательной редакции 2017 г.

Основные понятия, описанные в ст. 1 проекта, охватывают только шесть единиц: «персонал учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания и иные меры уголовно-правового характера», «администрация исправительных учреждений», «уголовно-исполнительная система», «федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний», «федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в области обороны», «федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции, функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных». Представляется правильным включить в перечень ст. 1 также понятия «осужденный», «режим», «близкие родственники», «территория исправительного учреждения», «контроль телефонных переговоров», «начальник учреждения» и многие другие, необходимые для правильного толкования и применения норм уголовно-исполнительного законодательства.

Новеллы научно-теоретической модели Общей части нового Уголовно-исполнительного кодекса всколыхнули обсуждение многих, казалось бы, уже решенных вопросов пенитенциарной сферы. А поэтому модель, даже если она не станет основой будущего кодекса, будет способствовать глубокой проработке научных вопросов, значительно обогатит теорию уголовно-исполнительного права и приведет к обоснованию новых подходов в законотворчестве и исполнении уголовных наказаний.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Тарасов Н. Н. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург, 2001. С. 9

² Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования / под ред. В. И. Селиверстова. М., 2017. С. 280–281.

³ См.: Селиверстов В. И. О разработке научно-теоретической модели Общей части УИК РФ // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 1 (33). С. 90.

⁴ См.: Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: результаты теоретического моделирования / под ред. В. И. Селиверстова. М., 2016; Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования.

⁵ См.: Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования. С. 43–44.

⁶ См.: Там же.

⁷ Исследование проводилось в 2013–2014 гг. в форме анкетирования готовящихся к освобождению осужденных (1000 чел.) в исправительных колониях общего и строгого режимов на территории Свердловской области (50 % респондентов), Республики Башкортостан (20 %) и Алтайского края (30 %).

⁸ См.: Шнарбаев Б. К., Мизанбаев А. Е., Молдашева А. Б. Организация социальной и иной помощи лицам, отбывающим уголовное наказание, и их ресоциализация : учеб.-практ. пособие. Костанай, 2015. С. 47.

⁹ См.: Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования. С. 18.

¹⁰ См.: Сумачев А. В. О восстановлении социальной справедливости как цели наказания // II Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 60-летию принятия Минимальных стандартных правил обращения с заключенными и 30-летию принятия Минимальных стандартных правил, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних) : сб. тез. выступлений и докладов участников (Рязань, 25–27 нояб. 2015 г.) : в 8 т. Рязань, 2015. Т. 1. С. 334.

¹¹ См.: Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: результаты теоретического моделирования. С. 8.

¹² См.: Там же. С. 9.

¹³ См.: Уголовно-правовое воздействие : моногр. / под ред. А. И. Рарога. М., 2013. С. 22.

¹⁴ См.: Там же. С. 31.

¹⁵ См.: Там же. С. 245.

¹⁶ Горобцов В. И. Теоретические проблемы реализации мер постпенитенциарного воздействия : моногр. Орел, 1995. С. 56.

¹ См.: Тарасов Н. Н. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург, 2001. С. 9

² Общей части нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования / под ред. В. И. Селиверстова. М., 2017. С. 280–281.

³ См.: Селиверстов В. И. О разработке научно-теоретической модели Общей части УИК РФ // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 1 (33). С. 90.

⁴ См.: Общей части нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: результаты теоретического моделирования / под ред. В. И. Селиверстова. М., 2016; Общей части нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования.

⁵ См.: Общей части нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования. С. 43–44.

⁶ См.: Там же.

⁷ Исследование проводилось в 2013–2014 гг. в форме анкетирования готовящихся к освобождению осужденных (1000 чел.) в исправительных колониях общего и строгого режимов на территории Свердловской области (50 % респондентов), Республики Башкортостан (20 %) и Алтайского края (30 %).

⁸ См.: Шнарбаев Б. К., Мизанбаев А. Е., Молдашева А. Б. Организация социальной и иной помощи лицам, отбывающим уголовное наказание, и их ресоциализация : учеб.-практ. пособие. Костанай, 2015. С. 47.

⁹ См.: Общей части нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования. С. 18.

¹⁰ См.: Сумачев А. В. О восстановлении социальной справедливости как цели наказания // II Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 60-летию принятия Минимальных стандартных правил обращения с заключенными и 30-летию принятия Минимальных стандартных правил, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних) : сб. тез. выступлений и докладов участников (Рязань, 25–27 нояб. 2015 г.) : в 8 т. Рязань, 2015. Т. 1. С. 334.

¹¹ См.: Общей части нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: результаты теоретического моделирования. С. 8.

¹² См.: Там же. С. 9.

¹³ См.: Уголовно-правовое воздействие : моногр. / под ред. А. И. Рарога. М., 2013. С. 22.

¹⁴ См.: Там же. С. 31.

¹⁵ См.: Там же. С. 245.

¹⁶ Горобцов В. И. Теоретические проблемы реализации мер постпенитенциарного воздействия : моногр. Орел, 1995. С. 56.

УДК 343.13:343.83

Об отдельных вопросах правового регулирования уголовно-процессуального статуса должностных лиц Федеральной службы исполнения наказаний

Ю. Н. СПИРИДОНОВА – начальник кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент